Николай Иванович Костомаров

Гетманство Выговского

Николай Костомаров

Гетманство Выговского

«Public Domain»

Костомаров Н. И.

Гетманство Выговского / Н. И. Костомаров — «Public Domain»,

«27 июля 1657 г. гетман Богдан Хмельницкий сошел в могилу. Переворот, произведенный им, остался неоконченным; вопросы, возникшие в его эпоху, не были разрешены. Отторгнувшись от Польши, Украина не соединилась еще с Московиею в одно тело и, оставаясь с своею отдельностью, должна была служить предметом распрей между соседями, которые хотели ей завладеть…»

© Костомаров Н. И.
© Public Domain

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 23

Николай Костомаров
Гетманство Выговского

[1]

I

27 июля 1657 г. гетман Богдан Хмельницкий сошел в могилу. Переворот, произведенный им, остался неоконченным; вопросы, возникшие в его эпоху, не были разрешены. Отторгнувшись от Польши, Украина не соединилась еще с Московиею в одно тело и, оставаясь с своею отдельностью, должна была служить предметом распрей между соседями, которые хотели ей завладеть. Украинский народ не имел нимало политического воспитания, чтоб выиграть свой процесс в истории и на самобытных началах организовать стройное гражданское целое. Уже в самом существовании козачества заключались, при тогдашних обстоятельствах, причины внутренних беспорядков, которые должны были разрушить не утвержденное на разумных основаниях и недостроенное политическое здание. Дело освобождения Украины совершено было целым народом; во время борьбы с Польшею все украинцы были равными козаками; но как скоро борьба улеглась – народ распадался на казаков и посполитых; первые должны были с оружием в руках стоять на страже возникающего нового порядка вещей; другие – обратиться к мирным занятиям гражданина и селянина. Это было необходимо. Во-первых ожидали права и преимущества, – они готовились составить привилегированный класс; положение последних не было ни определено, ни охраняемо никаким правом; на их долю не только выпадало нести все повинности, от которых освобождались козаки, но им было суждено, по-видимому, подпасть под произвол казацкого сословия; целые села, населенные посполитыми, отданы казацким чиновникам в виде ранговых имений; со временем эти имения походили бы на польские староства. Пасполитые долго не могли забыть, что казаки были то же, что и они, и, в свою очередь, сами теперь хотели быть козаками, и долго не было определенных границ между двумя сословиями: при первом удобном случае посполитые брались за оружие и называли себя казаками, а признанные прежде законно козаками попадали в сословие посполитых. И потому, во второй половине XVII века, несмотря на казацкие реестры, в Украине на самом деле казаком был всякий, кто хотел и мог; и таким порывам распространить казачество на всю массу народонаселения Украины противодействовало другое направление – ограничить козацкое сословие тесным и определенным числом записанных в реестры. Так было задолго до Богдана Хмельницкого, когда польское правительство постоянно хотело, чтоб казаки составляли военное сословие в определенном числе, а народ домогался весь обратиться в козаков, то – есть быть вольным, ибо с представлением о казаке соединялось понятие о свободе. Воззвания Хмельницкого нашли отголоски в народных побуждениях: все хотели быть казаками, все шли на брань против поляков, которые до того времени не допускали распространяться козачеству. Но только сорок тысяч из всей массы ополченного народа приобретали козачество; все остальное народонаселение, державшее в руках оружие, должно было лишиться прежде приобретенного звания. Противодействие поспольства, исключаемого из козацкого сословия, волновало Украину во все время гетманства Хмельницкого; оно еще резче выразилось после его смерти.

---

[1] Источниками служили: акты архивов Министерств Инастранних дел и Юстиции, напечатанные автором в актах Южной и Западной России, изд. Археографическою Коммиссиею, рукописные современные польские письма и акты, хранящиеся в рукописях Императорской Публичной Библиотеки; сочинения: Каховского Annalium climacteres. Historia panowania Jana Kazimerza, Рудавекого Historia ab excesu Vladislai IV; Собрания государственных грамот и договоров, Полное собрание законов т. 1. Малороссийские летописи: Самовидца, Грабенки, Величка и другие безыменные.

Сверх того, в самом козацком сословии возникло раздвоение: образовались казаки значные; к ним принадлежали чиновники, как настоящие, так и бывшие (бунчуковые товарищи), шляхтичи, приставшие к козакам, и вообще богатые козаки; противоположны им были козаки простые, которых значные называли казацкою чернью и которые, при случае, готовы были противодействовать возвышению значных. Сами, наконец, значные нешляхетского звания Хотели уравнить себя с теми из своих собратий, которые носили это звание. Влияние значных развивалось с усилением гетманской власти. В последние годы Хмельницкого власть гетманская хотя зависела от рады, но он, пользуясь всеобщим к себе уважением, часто действовал без рады и самовольно назначал чиновников; а чем меньше власть гетмана связывалась народным собранием или радою, тем деспотичнее была власть полковников и сотников, тем больше усиливалось влияние их на общественные дела. Радою начали управлять чиновники; нередко и целая рада составлялась из одних чиновников да значных. Такой порядок породил множество недовольных: они бежали в Запорожье; туда укрывались и те посполитые, которые не хотели спокойно сносить свое унижение и видеть возвышение козаков; от этого в Запорожье возникло тогда соперничество городов и козачеством, как называли они Гетманщину. Запорожцы не хотели подлежать власти гетмана. Но мысль об отделении Запорожья, с огромными степями по обеим сторонам Днепра, не могла еще развиться в то время, при непрерывной связи с Украиною; связь эта поддерживалась толпами пришельцев, недовольных порядком в Гетманщине. Запорожцы, почитая себя цветом козачества, хвалились, что не городовые козаки, а они первые избрали Богдана Хмельницкого; что война, освободившая Русскую Землю от Польши, вышла из Запорожья. Запорожцы говорили, что, поэтому, и теперь не городовое, а низовое козачество должно преимущественно распоряжаться делами Украины; что ни выбор гетманства, ни какое другое политическое дело не может быть предпринято без согласия Сечи. Запорожские старшины были избираемы и свергаемы толпою, по произволу черни. Такой порядок они хотели, повидимому, распространить во всей Украине; простым козакам это нравилось, поспольству, хотевшему равенства, еще более, – и поэтому Запорожье привлекало к себе простых козаков и поспольство, и всякое предприятие, начатое запорожцами, могло иметь удачу в массе украинского народа. Впрочем, как из общественного строя Запорожья не могло возникнуть нового порядка вещей, так и из недовольства посполитых и козацкой черни против значных. Низвержение власти значных могло кончаться только заменением одних лиц другими, которые, в свою очередь, начинали играть роль значных. Каждый чиновник, выбранный из простых козаков, делался значным и возбуждал против себя чернь, из которой вышел; его сменяли, выбирался другой – и тот точно так же, как первый, становился значным и так же чернь была им недовольна. Да и самых значных не соединяло единство намерений и цел ей, – каждый преследовал прежде в с его личные свои выгоды, один под другим рыл яму и сам в нее падал: каждый хотел другого столкнуть, потоптать, и сам подвергался, в свою очередь, таким же неприятностям от своих товарищей.

В отношении к соседним странам, по смерти Богдана Хмельницкого, в Украине были две политические партии.

К первой принадлежала большая часть старшин, значных, – вообще немногие лица с образованностью, полученною в Польше вместе с польскими политическими понятиями, и, наконец, шляхтичи русской веры, приставшие к казакам – кто для веры, а кто для сохранения своих имений во время козацкого восстания. Они подняли оружие против Польши не потому, чтоб польский политический состав им не нравился, а потому, что они не могли под польским владычеством пользоваться выгодами, какие могли бы извлечь из польской организации. По образцу польскому, они хотели бы и Украины, похожей на Польшу: с сеймами, посольскими избами, речами и вольным шляхетством, и в этом классе каждому хотелось поместиться. Не соответствовала такому направлению самодержавная организация Москов-

ской державы. В 1654 г. многие из людей этой партии пристали к московской протекции, в надежде пользоваться «так называемыми правами и вольностями под правлением» русских государей. Но в 1657 г. они начали считать себя обманутыми с этой стороны: их огорчало то, что украинским комиссарам не позволили участвовать в переговорах московских послов с польскими при заключении виленского договора, – что мир России с Польшею заключен был без участия и совета украинской рады и гетмана; упреки, которые делали Хмельницкому бояре по приказанию царя, возбуждали в них досаду; наконец, они оскорблялись обращением великорусских воевод и служилых людей с украинцами и насмешками великороссиян над тем, – что в обычаях и домашней жизни Южной Руси было несходно с Северною. Вероятно, от насмешек над одеждою казаков разнесся в то время слух, будто царь хочет, чтобы казаки не носили красных саиогов, а непременно все обулись в черные, а пасполитые одевались бы, как великорусские мужики, и ходили в лаптях. Но пуще всего усилив ало и развивало эту недовольную партию опасение, чтоб царь, по достижении польской короны, не присоединил Украины к Польше и не уничтожил бы козачества: в виленском договоре царь обещал возвратить Польше все земли, от нее отторгнутые. Недовольные хотели предупредить это ожидаемое присоединение Украины к Польше, как провинции к государству, добровольным соединением с Польшею на правах федеративных, с условиями, которые поставили бы Польшу в необходимость сохранять права Русского народа и в невозможность их нарушить. В XVII веке не понимали, что в мире нет условий для будущих поколений. Партия эта действовала по следам Богдана Хмельницкого; во время своей борьбы с Польшею, до присоединения к Московскому государству, он следовал этой идее федеративного союза и, в противность народному желанию совершенного разрыва с Польшею, долго думал уладить дело без расторжения. При жизни Хмельницкого более всех поддерживал в нем эту мысль генеральный писарь Выговский, – и теперь он стал во главе федеративной партии. Его ревностными соумышленниками были его двоюродные братья, Выговские: «Данило, женатый на дочери Хмельницкого, Елене, Константин и Федор, дядя его овручский полковник Василий и племянник Илья; воспитатели молодого Юрия: генеральный судья Богданович-Зарудный, есаул Ковалевский и миргородский полковник, исправлявший должность второго генерального судьи – Григорий Лесницкий, соперник Выговского; Иван Груша, после избрания Выговского в гетманы, назначенный генеральным писарем; обозный Тимофей Носач, человек без образования, каким отличались его товарищи, но с природным умом; переяславский полковник Павел Тетеря, человек без дарований, но с образованием; прилуцкий полковник Петро Дорошенко, лубенский – Швец, черниговский – Иоанникий Силич, знаменитый Богун, тогда уже полковник не винницкий, а паволочский; подольский полковник Евстафий Гоголь, поднестрянский – Михайло Зеленский, уманский – Михайло Ханенко, бывший киевский полковник Жданович, смененный по воле царя за поход против Польши, – люди, также получившие образование. К этой партии принадлежали некоторые знатные украинские козацкие и шляхетские фамилии, как-то: Сулимы, Лободы, Северины, Нечаи, Гуляницкие (из них один, Григорий, бежал из Украины после белоцерковского мира, а потом возвратился и был сделан нежинским полковником), Головацкие; Хмелецкие (родственники казненного в Паволоче, в 1652, за недовольство белоцерковским трактатом), Верещака (освобожденный недавно из крепости, куда был посажен в 1652 г.), Мрозовицкий (славный в народной памяти Морозенко, неизвестно где пребывавший с 1649 года, когда перестал быть корсунским полковником), Махержинский и более всех образованный – Юрий Немирич. Потомок, как кажется, древней новгородской фамилии, бежавшей в XV веке в литовские владения, Немирич был наследником богатых имений в Украине, и от своего отца с детства напитался тем религиозным вольнодумством, которое в том веке носило общее название арианства. Молодой Юрий провел молодость за границею, преимущественно в Бельгии и Голландии, получил отличное образование и написал несколько ученых сочинений по пред-

метам философии и рационального богословия; в 1648 г. он пристал к Хмельницкому в первый раз, спасаясь от преследования краковской инквизиции. Неизвестно, где был он после Зборовского мира, но с 1655 года мы видим его работающим для независимости Украины; он принял православную веру, веру отцов своих, действовал в пользу Украины у шведского короля, у Ракочия, а теперь, по смерти Хмельницкого, составлял планы образовать союз Украины с Польшею на новых началах их общей жизни. Ловкий посол Иоанна-Казимира, Казимир Беневский, искусно действовал на людей этой партии. Он уверял их, что козаки своими подвигами научили поляков и всех соседей уважать в них доблестных рыцарей; что Польша признает их свободными, и если козаки захотят присоединиться к Польше для взаимного охранения своих прав и вольностей, то не иначе, как равные к равным и вольные к вольным. Значительная часть русского духовенства и сам Дионисий Балабан, который метил тогда в митрополиты, разделяли такие же убеждения.

Еще при Богдане Хмельницком духовенство неохотно шло под московскую протекцию. Привычные к польскому образу управления и польскому обряду, происходя из шляхты, духовные, особенно знатные, слишком много имели в себе польского… образование их роднило с Польшею и удаляло от Москвы. Религиозные распри на время вооружали их против католической Польши, но когда дело дошло до отторжения от Польши, тут увидели они, что, несмотря на единство веры, они далее отстоят нравственно от единоверной Москвы, чем от католической Польши. В эпоху присоединения кое-как заглушались нерасположение и боязнь, но вскоре начались с московской стороны такие движения, которые возбудили прежнее недоверие. Сильвестр Коссов умер, Бутурлин, по наказу московского правительства, сейчас же изъявил духовным – епископу Лазарю Барайовичу и, печерскому архимандриту Гизелю – царское желание, чтоб духовенство малороссийское «поискало милости государя и показало совершенно правду свою к великому государю: захотело бы идти в послушание к святейшему патриарху московскому». Украине предстоял выбор митрополита. По древним обычаям, не нарушаемым со стороны поляков, надобно было избирать нового архипастыря вольными голосами. Воеводы настаивали, чтоб избрания не было, пока не испросят благословения патриарха и царского дозволения. Лазарь и архимандрит печерский должны были поневоле показать вид согласия. Это было тотчас по смерти Хмельницкого, еще до погребения его тела. Но сам покойный Хмельницкий на дело это смотрел не так, и по стародавним обычаям написал к епископам луцкому, перемышльскому и львовскому, чтоб они ехали для выбора нового митрополита в Киев. Украина с Киевом отдалась московскому государю, а эти русские епископы остались под польским владением, но в то же время под духовным первенством киевского митрополита. Признать над собой власть московского патриарха они ни за что не хотели, да и не могли, если б даже и захотели. Требование московского правительства должно было разорвать связь в южнорусской Церкви. В то время, как Бутурлин в Киеве старался склонить Лазаря и киевское духовенство к зависимости Никону, польско-русские епископы испрашивали у короля дозволение ехать в Киев для избрания митрополита, и король дозволил им по старым их обычаям, за которые они всегда так крепко держались. Еще тело Хмельницкого не было погребено, Бутурлин писал к Выговскому, выставляя указ государя, чтоб не допускать епископов до избрания митрополита, а писарь ссылался на старые права, и, не говоря о покорности Никону, извещал, что пошлет козацких послов на избранье митрополита, а потом уже о новоизбранном напишет к государю.

Наконец, пристать к союзу готовы были богатые мещане в городах для сохранения своих магдебургских прав, которые боялись потерять, если Украина будет отдана во власть поляков без всяких условий. Вообще же надобно сказать, что украинцы, страшась Польши, прибегали к Польше.

Другая партия – если можно всю массу народа назвать партиею – держалась царя московского. К этому побуждало отвращение к Польше; федеративная партия могла своими дей-

ствиями вызвать в народе только большую решимость оставаться под властью царя, для избежания грозящей опасности попасть в подданство полякам. – От соединения Украины с Польшею простой народ мог ожидать только того, что значные козаки сделаются тем, чем были в Польше шляхтичи, а простые козаки и все посольство будут отданы в безусловное порабощение новому панству; напротив, при соединении с Московщиною самодержавная воля царя представлялась защитою слабых от своеволия сильных. Из старшин отличался тогда горячею враждою к значным и вместе преданностью Московщине Мартын Пушкарь или Пушкаренко, полтавский полковник, любимый подчиненными и всем простым народом: Запорожье, ненавидевшее шляхетных и значных, из которых состояла федеративная партия, разделяло в то время эту склонность – оставаться в повиновении московскому государю. Очевидно, что число преданных русскому престолу было так велико, что противная федеративная партия не могла ничего сделать, тем более, что и сами федератисты не прочь были от того, чтобы московский царь скорее сделался польским королем… Но народ всегда мог быть увлечен в противную сторону своими руководителями, даже такими, которых не любил, хотя бы на время, не зная хорошо, куда его ведут; а разрыв виленского договора сделал этих двусмысленных руководителей врагами царя и протекции. Притом же малорусский народ не любил москалей. Несмотря на единство веры и племени, между двумя ветвями русского народа было слишком много различия в нравах, характере, понятиях и приемах жизни. История целого ряда предшествовавших веков, в продолжение которых эти ветви развивались отдельно друг от друга, не прошла даром. Малорусы видели в москалях слишком много не только чуждого, но противоположного. Дикие и своевольные поступки царских ратных людей раздражали народ, возбуждали ненависть и боязнь и уже в то время народ пугали слухи, что Москва хочет запрудить Украину своими людьми и насильственно вводить между малорусами свои московские обычаи.

II

Шестнадцатилетний Юрий Хмельницкий вовсе не был такой гетман, какого требовало тогдашнее положение Украины. Юный и неопытный, он не отличался ни блестящими способностями, ни характером. Одни из желания услужить Богдану при его смерти, другие из боязни, чтоб не навлечь на себя гонения от его родственников и друзей, признали Юрия гетманом на Чигиринской раде. После смерти старика возник ропот между старшинами и заслуженными козаками. Иные вспоминали свои раны и многолетние труды и стыдились повиноваться мальчику, не нюхавшему пороха; других волновало явное нарушение казацких обычаев, по которым у козакав в начальники выбирали людей достойных и опытных. Многие из старшин досадовали потому, что, без выбора Юрия, вольная рада могла бы предоставить начальство им; более всех был внутренне недоволен Выговский. Столько лет он был первый человек после гетмана; и в Украине, и у соседей прославился он умом; сам Хмельницкий, для вида, отклоняя казаков от выбора Юрия, предлагал в гетманы Выговского. Выговский смотрел на избрание Юрия, как на похищение булавы у себя. Но старик Хмельницкий препоручил Выговскому руководить сына. Хмельницкий столько лет почитал Выговского другом, и потому Выговскому меньше, чем кому-нибудь другому, можно было действовать к изменению последней рады. Выговский должен был притворяться и уверять в совершенном равнодушии к почестям и нежелании принимать начальство. 14 августа он писал к воеводе путивльскому Зюзину, что «гетманом все старшины оставили пока Юрия Хмельницкого; а впредь как будет, не ведаю; но скоро по погребении тела будет рада всей старшины и некоторой части черни: а что на ней усоветуют, не ведаю». Таким образом, в письме к пограничному московскому воеводе он дал понять, что назначение тогдашнего гетмана может измениться. Но что касается до себя, то он уклонялся от всякой надежды. «После

воинских трудов, – выражался. он, – я рад опочить, и никакого урядничества и начальства не желаю.» Чрез несколько дней после того, 21 августа, он говорил не так уже присланному от того же воеводы гонцу: Гетман Богдан Хмельницкий, умирая, приказывал мне быть над сыном его опекуном, и я, помня приказ его, не покину сына его; и полковники, и сотники, и все Войско Запорожское говорят, чтобы мне гетманом быть, покамест Юрий Хмельницкий вырастет и будет в совершенном уме.

Иезуитская изворотливость нашла себе лазейку, – говорит украинский летописец.

Как друг семьи Хмельницкого, Выговский начал представлять молодому Хмельницкому его опасное положение, – с сожалением извещал его, что козаки ропщут и не хотят повиноваться такому молодому гетману. Молодой Юрий просил совета: что делать? Выговский советовал отказаться перед радою от гетманского звания, чтоб этим поступком снискать любовь и расположение народа. Между козаками издавна велось обыкновение, что избираемый в начальники несколько раз отказывался от предлагаемого достоинства и принимал его тогда только, когда рада как бы насильно принуждала его к этому.

Чтоб отклонить от себя всякое подозрение, Выговский говорил, что и он оставит свою должность и ни за что не будет писарем, если Юрия не оставят гетманом.

Так же точно обозный Тимофей Носач, воспитатели Юрия – Ковалевский и Лесницкий, и судья Зарудный подтверждали Юрию вести о всеобщем ропоте козаков, советовали ему отказаться от гетманства и уверяли, что и они, из приверженности к Юрию, не захотят оставаться при своих должностях, а предоставят вольной раде распоряжение Украиною и выбор гетмана и старшин. Молодой Юрий согласился отказаться, в надежде, быть может, что эта покорность раде утишит ропот и он останется гетманом.

Оповестили раду. Выговский писал к тем из полковников, которые не были при смерти Хмельницкого, чтоб они явились с козаками из своего полка для избрания гетмана, а между тем дарил и угощал старшин и значных козаков, собрал к себе толпу простых козаков из разных полков, выкатил им горилки, устроил несколько обедов и ласковым обращением расположил их к себе.

В воскресенье, 24 августа, довбиши ударили на раду. Выговский и преданные ему старшины назначали ее во дворе Хмельницкого, для того, чтобы поместить там только таких козаков, которые будут расположены к ним: это были задобренные обедами и горилкою; впрочем и расположенные к Выговскому не все знали, что он ищет гетманства. Когда во двор набралось довольно козаков, ворота заперли наглухо, и огромная толпа козакав и посполитых стояла за двором.

Из дома вышел Юрий с булавой в руке, за ним несли бунчук, осеняя его.

«Панове рада! – сказал Юрий: – благодарю нижайше за гетманский уряд, который вы мне дали, памятуя родителя моего; но по молодости лет и по своей неопытности я не могу нести столь важного достоинства. Вот булава и бунчук. Выбирайте в гетманы другого, старше меня и заслуженнее».

Он положил знаки гетманского достоинства на столе, поклонился и ушел в дом.

Выступил Выговский, проговорил благодарность за писарский уряд, отказался от него, поставил свою чернильницу – знак писарского звания, и ушел.

Обозный положил свой пернач, судьи – свою печать, отказались от урядов и удалились.

Собрание молчало. Козаки поглядывали друг на друга с вопросительным выражением лица; иные хотели провозгласить Выговского, но боялись. Булава лежала среди двора, и «много было таких, – говорит летописец, – которые хотели ее взять, но не смели без воли народа».

Между тем, за воротами раздался ропот. Посполитые ломились в ворота. Тогда есаулы, расхаживая между козаками, кричали: «кого желаете наставить Гетманом?»

Все молчали. Есаулы несколько раз повторили вопрос.

«Хмельницкого! – раздалось в толпе: Хмельниченко, нехай буде гетьманом!»

«Панове рада! – сказал Юрий: – я младолетев и неопытен, я не в силах управлять народом, а к тому еще я, от ведавней смерти родителя, в большой тоске и печали».

Некоторые сотники говорили так:

«Пусть будет Хмельниченко гетманом; хотя он и молод, да слава наша пусть будет такова, что у нас гетманом Хмельницкий. Пока он молод, – будут научать его добрые люди, а возмужает – сам будет управлять. Пусть и Выговский, и Носач, и все будут на своих урядах; как при покойном батьку Хмельницком було, так и теперь пусть будет».

Юрий, наученный Выговским, отрекался. Козаки кричали:

«Не позволим, не увольним Хмельниченка от уряда гетманского!»

Хмельницкий представлял, что ему, по летам его, надобно учиться, а гетману надобно быть при Войске и предводительствовать казаками.

Тут какой-то сотник, расположенный к Выговскому, сказал:

«Пусть булава и бунчук остаются при Хмельницком; нашим гетманом будет Хмельницкий, а пока он возмужает – Войском командовать будет Выговский, и булаву и. бунчук будет принимать, когда нужно, из рук у Хмельницкого, а воротившись, опять будет отдавать ему в руки.»

Выговский с видом покорности и смирения представлял свое недостоинство. Козаки усильно требовали.

«Дайте время одуматься, панове рада! – сказал Выговский: – не могу теперь решиться принять на себя такое важное звание. Отложите до другого времени».

Рада дала ему три дня срока.

В среду, 27 августа, рада опять собралась в тот же двор. На этот раз, прежде чем успели затворить ворота, набралось во двор множество простых козаков.

«Хмельницкого! Хмельницкого!» – кричали они, и ломились в дом.

Юрий вышел и опять отказывался. Козаки требовали, чтоб он остался гетманом и чтоб до его совершеннолетия управлял Выговский.

Выговский опять разыгрывал роль нежелающего. С потупленным взором, с видом смирения, со слезами в глазах, он благодарил раду за честь, просил выбрать людей более его способных. Но чем более кланялся и отказывался Выговский, тем упорнее козаки избирали его предводителем. По козацкому обычаю, толпа начала сопровождать бранью свой выбор, тогда Выговский, как бы нехотя и единственно уступая голосу народа, согласился. Толпа была в восторге!

«Теперь я спрошу вот о чем, – сказал Выговский: – молодому гетману надобно учиться; по воле блаженной памяти родителя, ему надобно дать воспитание; ему надобно быть в училище, а потому ему трудно будет подписываться на листах и универсалах. Когда клейноды будут у меня, то и подписываться придется мне. Как же рада прикажет мне подписываться?»

Сперва это озадачило козаков. Но тут какой-то доброжелатель Выговского выскочил из толпы с разрешением вопроса.

«Пусть паи Выговский, – сказал он, – подписывается так: «Иван Выговский, гетман на тот час Войска Запорожского», потому что в то время, когда у него будут клейноды, настоящим гетманом будет он».

Простые козаки были просты, – говорит летописец, – они не провидели ничего особенного и согласились, сказавши: «добре, нехай так! Служи, пане гетьмане, верно его царскому пресветлому величеству и будь гетманом над Войском Запорожским и чини нам добрую справу».

Выговский, взяв булаву, сказал: «Сия булава доброму на ласку, а злому на карность; а манить я в Войску никому не буду, коли вы меня гетманом избрали; а Войско Запорожское без страха быть не может!»

«Вычитай же нам, – сказали полковники, – новообранней пане гетмане, великого государя жалованную грамоту, чтобы мы знали, на яких волях пожалованы мы от его царского величества».

Тогда гетман прочитал всем вслух грамоту.

По окончании чтения старшины сказали:

«На милости государской бьем челом и служить всем Войском Запорожским рады вечно, и он, великий государь, пусть нас не выдает своим неприятелям».

По другому известию, переданному Выговским в Москву, когда избрали Выговского, противником его явился Григорий Лесницкий, которого покойный гетман отправлял против татар с сыном своим и дал ему булаву и бунчук в качестве наказного гетмана. Опираясь на это, Лесницкий не хотел отдать булавы. Выговский посылал к нему Юрия Хмельницкого, – Лесницкий упорствовал, и отдал булаву. тогда только, когда его принудили казаки, через неделю.

Так кончилась эта знаменитая рада. Выговский послал к запорожцам и льстил им, уверяя, что он не почитает себя настоящим гетманом, пока сечевое товарищество не признает его; послал, с согласия рады, посольство в Крым, отпустил с уверениями приязни к королю польского посла Беневского, которого казаки, из старой ненависти к панам, чуть было не убили. В то же время Выговский, в письме своем к московскому воеводе, доносил, что Беневский прислан для того, чтоб учинить ссору и говорил, что они его задерживают; бранил поляков, доносил, что польский король соединяется с императором и вовсе не думает мириться с Москвою и хранить данные в беде условия; что распространился слух, будто казаки поссорились с Москвою и поляки собираются, вместе с ханом крымским, на Украину. Он изъявлял готовность пролить кровь за государя. Он чернил даже своих сообщников, доносил на брацлавского полковника Зеленского, что он хотел отступить к Польше, но он, гетман, его удержал и убедил.

III

Несмотря на избрание Выговского, власть его была очень нетверда. Лесницкий, как видно, продолжал досадовать и надеялся, что на другой раде избрали бы его, а не Выговского. Пушкаренко, полтавский полковник, был другой враг и соперник Выговского. В Чигирине рада была неполная и могла казаться незаконною: надобно было со-’ брать другую. Выговский хотя взял булаву, но только в качестве временного правителя; для соблюдения казацких прав он сам назначил снова раду в Корсуне к 25 сентября. На эту раду съехались старшины; были на ней все сотники и из каждой сотни по два простых казака. Таков был избирательный обычай у козаков. Новоизбранный предводитель хотел несколько разузнать дух своих товарищей. В то время прибыл от шведского короля в Чигирин Юрий Немирич. Он привозил от Карла-Густава предложение союза, чтобы, по старому доброму расположению, козачество помогало шведскому королю, а шведский король козакам. Сам Юрий Немирич снова отдался служить козацкому делу. Дело шло к возобновлению дружбы со Швециею; с Московщиною, напротив, шло к недоразумениям и неудовольствиям.

Явился к гетману царский посланник Артамон Матвеев. В царской грамоте гетман назван был писарем, а не гетманом, хотя царь уже известился, через киевского воеводу, о его избрании на гетманское достоинство. Он получил царский выговор за то, что не объявил о смерти Хмельницкого и о своем избрании через своего посла. Царский посланник требовал, чтоб Запорожское Войско отправило к шведскому королю посланцев – советовать ему помириться с царем, оставить притязания на пограничные земли, которые московский царь считал своими, и отнюдь не надеяться на помощь Войска Запорожского; напротив, если он будет во вражде с царем, то Войско Запорожское пойдет на него войною. Гетман отвечал, что

исполнит приказания царские, а от выговора отделался так-: «Когда гетмана Богдана Хмельницкого не стало, я в тот же день хотел отправить к царскому величеству своих трех урядников; а начальные люди, услышав об этом, стали бунтовать, толковали, будто я посылаю от себя, оттого я не послал, а написал к воеводе киевскому Андрею Васильевичу Бутурлину и к князю Ромодановскому в Белгород, чтобы они известили государя».

Артамон Матвеев сказал: «Его царскому величеству учинилось ведомо, что гетмана Богдана Хмельницкого не стало; и великий государь, жалуя вас, указал ехать в Войско Запорожское с своим государевым милостивым словом и для своих государственных великих дел боярину и наместнику казанскому, Алексею Никитичу Трубецкому, да окольничему и ржевскому наместнику Богдану Матвеевичу Хитрово, да думному дьяку Лариону Лапухину. Гетман должен послать к полковникам и велеть съехаться в Киев, и сверх того, чтоб из всех полков по пяти человек было прислано. Дело будет великое. Да чтоб в черкасских городах были собраны кормы и приготовлены подводы для их приходу. Да еще Павел Тетеря, когда был в Москве посланцем у государя, то просил оберегать вас против неприятелей ваших; и теперь приказана князю Ромодановскому идти наскоро с конными и пешими людьми, да велено также боярину Василию Борисовичу Шереметьеву выслать конных и пеших; а ты, гетман, вели приготовить им запасы и подводы».

Гетман, разумеется, обещал, но как услышали старшины, то стали видеть в. этом тайное намерение нарушить их права. Немедленно явилось великорусское войско и стало двумя отрядами: один, с Ромодановским, – в Переяславе, другой, с Ляпуновым, – в Пирятине. Ожидали, как объявлено было, еще прихода Трубецкого с товарищами; это особенно пугало старшин, потому что не сказано было, для каких дел придет это войско. Артамон Матвеев привез приказание собирать по Украине запасы на прокормление войску с доходных статей (оранд); а все эти статьи были в распоряжении старшин, и они видели теперь посягательство на свои доходы.

Нужно было представить все это дело на обсуждение рады. Рада собралась в назначенный день. Иноземные пособники шляхетской партии: со стороны польской – Беневский, со стороны шведской – Немирич, по известию киевского воеводы, явились туда же. Сами между собою противники, они тут невольно действовали заодно против общего для них обоих соперника. Рада происходила в поле. Выговский положил свою булаву и бунчук, поклонился собранию и сказал, что ему присланы от царя такие пункты, чтоб у козакав прежние вольности отнимать. «Я в неволе быть не хочу», – прибавил он, и отказывался от гетманства. Он объявил, что рада вольна выбрать другого гетмана, и поехал прочь. Тогда начальные люди последовали за ним, воротили и начали просить, чтоб он остался на гетманском достоинстве. Судья Самойло Богданович Зарудный вручил ему булаву.

«Мы, – говорили козацкие чиновники, – будем стоять за свои вольности заодно, чтоб у нас ничего не отняли, чтоб не было перемены, чтоб как прежде были, так чтоб и теперь остались мы – свободны».

Выговский, как будто исполняя всеобщую волю, принял снова булаву. Этой церемонией и кончилась рада.

На другой день была рада во дворе. Посланный путивльским воеводою на проведки, посадский человечишка Николка затесался между козаками, уверял, что находился там, где происходила рада, и передал потом в общих чертах это совещание («И я, Николка, был в той светлице, где была рада», доносил он своему начальству в рос\прос\е).

Выговский сказал: «при покойном гетмане Богдане Хмельницком у нас не бывало рады и совета, но теперь вы меня избрали гетманом, и я без вашего воинского совета не стану делать никаких дел. Ныне я объявляю вам: прислал к нам шведский король, зовет нас к себе в союз (в «подданство», переиначил Николка: в письме Бутурлина просто – союз, а не подданство), а царское величество прислал к нам грамоту с выговором, зачем мы без

его, государева, ведома сложились с Ракочи; хочет, чтобы Антона Ждановича наказать: «вы уже, говорит, прежде изменили шведскому королю, изменили и крымскому хану, и Ракачию венгерскому, и господарю волошскому, а теперь и нам хотите изменить. Долго ли вам быть в таких шатостях?».

Гетман хотел, очевидно, раздуть зародившееся неудовольствие к царской власти, но в то же время выгораживал себя, если преждевременно дойдет весть об этом в Москву, 11 потому стал советовать казакам покорность.

«А только нам, – продолжал он, – отложиться от царского величества, никто нам более не поверит за непостоянство наше, и мы дойдем до конечного разорения. Теперь, без всякой шатости, дайте мне совет, как поступить?»

Выступили полковники: нежинский Гуляницкий, полтавский Пушкаренко, прилуцкий Дорошенко, ирклеевский Джеджалы и сказали:

«Мы не отступим от присяги, данной его царскому величеству».

Другие начальные люди, сотники и есаулы с левой стороны Днепра повторили то же: «мы не отступим от его царского величества; как присягали, так в той мысли и стоим».

Когда гетман стал допрашивать их, как ему поступить, вместо совета они закричали:

«Як ти нам прирадишь, так ми й будемо!»

Гетман не добивался от них совета о шведском предложении, а должен был, потакая им, сказать:

«Я вам свою мысль объявляю, что нам быть надежно при милости царского величества, по присяге своей, неотступно, а к иным ни к кому не приложиться».

Но правобережные полковники – Зеленский, Богун и третий полковник («имени его не упомню», – говорит свидетель) отозвались не в таком духе.

«Нам, пане гетмане и все паны-рада, не ладно быть у царского величества: он, государь, к нам милостив, да начальные его люди к нам не добры, наговаривают государю, чтоб навести нас в большую неволю и достояние наше отнять!»

Выговский, выслушав эти речи, принял суровый вид и сказал:

«Вы, панове, не дело гов орите, и в Войске смуту чините; а нам от царского величества отступать за его государеву милость не следует и помышлять!»

Наконец, порешили послать к царю посольство и просить о ненарушении данных вольностей.

«И все тогда, – пишет Бутурлин в своем донесении к царю: – меж собою душами укрепились, что им всем за гетмана и за свои права и старые вольности стоять заодно. И много других непристойных речей у них было».

С этих пор, вероятно, Выговский выбросил из своей подписи выражение: на тот час, которое, – по сказанию украинского летописца, – наложил на себя как условие, когда казаки на первой раде вручили ему булаву.

По приговору корсунской рады, отправили в Москву посланцами: корсунского полка есаула Юрия Миневского и сотника Ефима Коробку – просить царского подтверждения Выговского на гетманское достоинство и казацких прав, сообразно прежней царской грамоте, данной после переяславского присоединения. Гетман отпустил Беневского с дружелюбными уверениями. Но Польша не хотела оставлять Украины без наблюдения, и тотчас же за Беневским приехал другой гонец и агент, Воронич. Как искренно было это сближение с застарелыми врагами, видно из того, что в то же время, как Беневский от имени Речи Поспалитой сулил казакам права, свободу и дружбу, у Выговского в руках было перехваченное письмо польского полковника Маховского к одному из крымских мурз. Польский пан уговаривался, как бы сделать на казаков, своих душманов, вместе с крымцами нападение. А Выговский, принимая радушно польских посланцев, отправил перехваченное письмо в Москву с Миневским, и вместе с тем извещал, что после Беневского приехал в Украину

Воронич – по-прежнему склонять козакав к подданству Польше; но казаки не дозволят себя провести и останутся верны его царскому величеству. Крым быль очень опасен Украине. В последнее время союз хана с Польшею более всего не дозволял Украине брать верх в борьбе с поляками. Услышали в Крыму, что в Украине недолюбливают московского владычества, и хан первый подал желание примириться, а Выговский отправил в Бахчисарай посланца своего, Бута, с товарищами.

После избрания, в раде, гетмана казацкие обычаи требовали еще освящения от Церкви. Гетман, полковники и старшины отправились в Киев. 13 октября встретили Выговского с почестью у земляного вала. В то время умерла сестра Выговского, жена Павла Тетери; вся семья и родные Выговского были в сборе: отправляли похороны; потом уже обратились к делам. 17 октября в Братском монастыре, в присутствии царских воевод, принесли в церковь жалованную от царя гетману Хмельницкому булаву, саблю и бунчук. По совершении обедни, епископ черниговский Лазарь Бараиович окропил святою водою эти знаки достоинства и отдал их гетману. «Принимая гетманство, – говорил ему архипастырь, – ты должен служить верою и правдою великому государю, как служил до сих пор: управляй и укрепляй Войско Запорожское, чтоб оно было неотступно под высокою рукою его царского величества». Сказав это, епископ осенил крестом новоизбранного вождя.

Из церкви епископ позвал гетмана и старшин на обед. Туда же были приглашены и воеводы с товарищами. Когда вино развязало язык гетману, он стал уверять в своей преданности царю, доказывал пред воеводами, что еще как был писарем, то и покойного гетмана Хмельницкого привел к подданству. «Но я теперь опасаюсь, – прибавил он, – государева гнева, что без его указа выбран гетманом: мы получили грамоту от государя, а в ней я назван не гетманом, а писарем».

Тогда Богданович, генеральный судья, проговорил такую речь:

«Когда мы, козаки, поддались под высокую руку его царского величества, то государева милость была к нам такова, чтоб вольностей наших у нас не отнимать; а теперь присланы к нам пункты, по которым приходится потерять нам вольности; а мы как были под королевским владением, то у нас вольностей король не отнимал; мы же отступили от короля и поддались под государеву высокую защиту только ради обороны христианской веры от ляшского гонения, чтоб нам не быть в папежекой вере, либо в унии».

Бутурлин, обратясь к Выговскому, сказал:

«На тебя, гетман, нет никакого гнева государева; а от, – тебя перед великим государем так есть неисправление: выбирают тебя на Богданово место, а ты великому государю о том и не написал и не учинил никакой ведомости Великому государю неведомо, что ты гетманом учинился; потому-то в государевых грамотах к тебе и назван ты писарем; как ты был прежде писарем, так писарем и назван. Ты, гетман, о том не оскорбляйся и служи по-прежнему великому государю, а государево жалованье и милость будет тебе свыше прежнего».

«Когда только меня стали выбирать в гетманы, – сказал Выговский, – я не хотел брать на себя этого регимента без государева указа; я долго отговаривался; но полковники и чернь мне дали булаву и знамя с большим упросом; пусть государь нас пожалует: не велит у нас отнимать прежних вольностей; а мы, ему, великому государю, готовы служить и стоять против всякого неприятеля и никогда не отступим от высокой руки его величества!»

Скоро после того брошена была новая тень опасения в нарушении вольностей. Наступал выбор митрополита. Съехались в Софийский монастырь духовные и старшины казацкие. Гетман пригласил киевских воевод. Бутурлин отвечал, что не поедет без царского указа. Уже прежде он передавал, и духовным, и светским, желание московского правительства, чтоб киевский митрополит подчинился московскому патриарху и был бы от него назначен. Теперешний отказ приехать на выбор указывал, что московское правительство намеревается нарушить одно из важнейших прав присоединенного края. Выбор тогда не состоялся. Отло-

жили выбор до Николина дня; между тем возросло и неудовольствие к московскому правительству, и страх за свои права.

Из Киева гетман поехал в Переяслав и 24-го октября свиделся с Ромоданавеким в присутствии своих старшин: обозного Носача, Тетери, Богдановича, Ковалевского и своего брата Данила. Ромоданавский уже два месяца стоял под Переяславом с ратными людьми и не получал никаких запасов. Он жаловался, что его прислали сюда по просьбе казаков, чтоб оборонять край от неприятеля, а продовольствия не дают, и грозил уйти назад.

Несмотря на подозрение, которое рождалось от прихода великороссийских войск, гетман старался удержать всеми способами Ромодановского, и совсем не в том духе с ним говорил, как на раде в Корсуне. Он извинялся в недаче запасов тем, что в Украине, после смерти. Богдана, он, Выговский, еще не был настоящим гетманом; не было еще начальства, которого бы все слушали; он представлял, что неприятели сделают нападение на Украину, как только великороссийское войско отступит прочь, и, наконец, описывал внутреннее беспокойство края. «После Богдана Хмельницкого, – говорил он, – в черкасских городах учинился мятеж и шатости, и бунт; а как скоро ты, окольничий его царского величества и воевода князь Григорий Григорьевич, пришел в черкасские города с ратными людьми, то, милостию Божиею и государевым счастием, все утишилось; теперь в Запорожье большой мятеж: хотят побить своих старшин и поддаться крымскому хану! Я, помня свое крестное целование, за такие заводы, бунты и измену царскому величеству, поеду их усмирять с войском, а ты, окольничий и воевода, с ратными людьми перейди за Днепр; с тобой будут полковники: белоцерковский, уманский, брацлавский и другие; а я управлюсь с бунтовщиками и предателями. Они наговаривают на нас, бунтовщики, будто бы мы царскому величеству неверны; а мы живым Богом обещаемся и клянемся небом и землею: чтоб нам Бог своей милости не показал, если мы мыслим или вперед будем мыслить какое-нибудь дурно и неправду! Как за Бога, так и за него, великого государя, держимся».

Но Ромоданавский отвечал, что не пойдет за Днепр без воли государя. Напрасно Выговский, через три дня после того, снова. просил его и извещал, что пойманы татары, которые объявляют, что хан собирается с поляками нападать на Украину, – Ромодановский не пошел за Днепр. Советуя таким образом и стараясь перевести Ромоданавского за Днепр, Выговский в самом деле, кажется, руководился страхом. Ему хотелось отрезать Ромоданавского от Трубецкого и поставить его в таком крае, где всякое покушение, если бы оно в самом деле могло быть, как ходили слухи, было бы встречено с негодованием и с противодействием, и где Ромоданавский не в силах был бы противостать туземной массе.

Потом Выговский отправил Юрия Хмельницкого в Киев учиться, а сам вынул из-под земли зарытые им вместе с Хмельницким сокровища – более миллиона, и начал дарить и угощать старшин, значных и простых казаков. Веселые пирушки несколько недель шли без перерыва. Выговский был человек трезвый, но чтоб понравиться толпе, прикидывался пьяным, показывал бурлацкое обращение с простыми казаками, был чрезвычайно обходителен с подчиненными, и казаки в восторге кричали: «от щирий, не гордий казак!»

IV

В Литве в последнее время распространилось козачест-;во, как некогда в самой Украине; холопы самовольно записывались в казаки. Польское правительство старалось ограничить их число; так, подобно полякам, поступали теперь московские воеводы в покаренной Литве, по приказанию своего правительства. В Могилевском повете вписывались в казаки пашенные крестьяне. Правительство запретило это, но полковник Нечай, бывший наказным гетманом в Литве, принимал их в реестр. Московские воеводы лишних самовольных козакав исключали сами, били их батогами, били ослопьем и сотников, и есаулов, чтоб те не впи-

сывали новых козаков. Правительству хотелось, чтоб эти пашенные крестьяне несли тягло; а они, делаясь казаками, не хотели платить ничего с тех земель, на которых были населены. Напрасно полковник Нечай жаловался и ссылался на приказания гетмана Богдана Хмельницкого и Выговского, которые запрещали ему выводить козаков: «Война наступает, – представлял он, – козаки нужны будут; нельзя выгонять и бить людей заслуженных, которые и раны терпели, и в осадах сидели». 27-го августа Нечай отправил к царю жалобу на воевод мстиславского, оршанского, борисовского, шкловского, копыльского, минского. «Воеводы, – писал он, – отнимают у нас деревни, с которых мы могли бы иметь хлеб себе; подданных вашего царского величества, козакав моих, выгоняют насильно из домов, – требуют с них, как с мужиков, податей, режут им чуприны, бьют кнутами и грабят; и если б подробно все противное нам описывать, то много времени было бы потребно». Полковник приписывал такие поступки наущению шляхтичей, которые желают всячески вывести козачество из Литвы. Он писал: «Как волк выкормленный все в лес смотрит, так и щляхта в Польшу. Шляхтичи передают секреты польскому королю, и оттого польский король все знает и готовится воевать на ваше царское величество, заключает договор с цесарем и крымским ханом; и вот, по наговору этих хитрых лисиц, изменники воеводы теперь меня и товарищество мое преследуют, как неприятелей». В особенности жаловался он на боярина Василия. Шереметьева: козаков берет и сажает в тюрьму, а другах девает невесть где», говорит о нем Нечай.

Ожидание прихода Трубецкого и ратных людей произвело смятение. Полковники писали об этом по сотням; начали собираться на рады, толковать; на левой стороне Днепра миргородский полковник Лесницкий рассылал по сотням своего полка такого рода известие: «Мы присягали его царскому величеству, чтоб нам, по обычаю, быть на своих вольных правах в Запорожском Войске, к были мы верны в подданстве его царского величества по смерть гетмана Богдана Хмельницкого; а теперь идет на нас боярин царский князь Трубецкой с войском, да князь Ромодановский с ратными людьми; и вам приказана давать им живность беззаборонно; хотят учинить на Украине по городам воевод: в Киеве, Чернигове, Переяславе, Умани и по всем другим, чтоб везде им давали живность, и будут брать на государя все те подати, что народ платил когда-то польским панам; а козацкого войска только и останется, что в Запорожье десять тысяч, и они будут получать из наших доходов жалованье от оранд и мельниц; а больше уже и не будет Войска, а станут все – мещане и хлопы; а кто не захочет быть мещанином или хлопом, тот будет в драгунах и солдатах. Крымский же хан присылает к нам и просит, чтоб мы по-прежнему были с ним в дружбе. И от нас не требует никаких поборов…

Бросивши волнение в массу народа, полковник через несколько дней рассылал другие приказания: «чтоб козаки не тревожились». Итак, один раз он в народе возбуждал опасение, в другой раз обращал народное раздумье к догадке, что это опасение напрасно. Таким образом, Лесницкий держал народ в недоумении, чтоб тем удобнее управлять им и повести, когда нужно будет, к своей цели.

Другие полковники за Днепром также волновали народ такими вестями. За Днепром отзывалось более намерение защищать свои права, и заднепровские полковники рассылали на левую сторону универсалы, в которых писали: «Мы, заднепровские козаки, не привыкли к неволе, и не хотим ее. А если вы поддадитесь царскому соизволению, так мы с татарами на вас войною пойдем». – «Великий государь, – говорил миргородский полковник одному великороссиянину, – не устоял в прежнем договоре; пан гетман Выговский и мы, старшины, царскому величеству воли своей не уступим; не хотим воевод царских и отступим от царя; крымский царь за нас пойдет, – мы будем слыть его подданными; а податей никаких не будем платить».

Противники московского владычества толковали народу: Вот, как возьмут вас царь и Москва в руки, тогда и кабаки введут, горилки курить и меду варить нельзя будет делать

всякому и в сапогах черных прикажут ходить, и суконных кафтанов носить не вольно будет; попов своих нашлют, митрополита в Киеве своего поставят, а нашего в Московщину возьмут, да и весь народ туда же погонят, а останется тысяч десять козаков, да и те на Запорожье, а те, что в городах будут, те службу станут держать под капитанами».

Распустив по сотням вести, миргородский полковник надеялся, что народ этим слухом достаточно настроен, и приказал собраться в Миргороде на полковую раду всем сотникам и атаманам своего полка, и выборным из каждого города и местечка по пяти человек.

Полковник стал им читать пункты, где были изложены показанные выше предположения о переменах. Чтоб раздражить еще более народные интересы, полковник читал им, между прочим, что государь приказывает сбирать со всех хозяев десятину.

– Хотите поддаться крымскому хану или ляхам? – сказал он после этого.

Но козаки – говорит один из простого народа, там бывшего, – сейчас догадались, что эти пункты не правые, и сказали: «а мы что сделаем без черни?» Тогда полковник роздал каждому сотнику и атаману экземпляр возбудительного писания, велел собрать рады и прочитать простому народу. Везде по селам чтение это произвело совсем другое впечатление, нежели какого ожидали; козаки говорили: «мы хотим служить великому государю и за ним жить, а ни к крымскому хану, ни к ляхам не пойдем, – мы государские. Куда нам великий государь укажет, туда все пойдем». Такие ответы последовали изо всех сотен. Некоторые сотники и атаманы оповещали простым козакам, что гетман приказывал им наготовить свинец и пульки: в поход за Днепр пойдут. – «Мы за Днепр не пойдем по приказу гетмана, а послушаем и пойдем, когда царский указ будет!»

Услыша о неблагоприятном для его целей настроении народного духа, миргородский-полковник собрал снова раду, отдавал свое полковничество и положил булаву. Сотники, атаманы и есаулы начали его уговаривать, чтоб он оставался, и полковник, как будто нехотя, уступая воле народной, взял опять свой знак. Но этот обычный козацкий маневр вовсе не так подействовал на чернь, как на чиновных лиц; стоя кругом полковника, чернь крепко бранила его, а полковник слушал и притворялся, что не слышит, но видел ясно, что народ его ненавидит. Присылкою бояр и уничтожением козацкого правления трудно было тогда испугать народ. «Мы, – говорил московскому послу любенский войт Котляр, – рады будем, когда придут к нам воеводы с ратными людьми; а гетмана мы все недолюбливаем; и мы, и мещанство, и чернь – заодно; вот будет ярмарка об Николине дне, и мы станем советовать с своею братисю, чтоб нам послать к государю бить челом о воеводах, – чтобы у нас были царского величества воеводы».

Тогда в Москву стали являться из Украины письма, объяснявшие, в чем состоит народное желание. Протопоп Филимонов переписывался секретно с боярином Ртищевым и сообщал ему о состоянии умов в Украине.

«Как только прослышали мы, – писал он, – что прийдет сюда князь Алексей Трубецкой с товарищами на государя праведного сей край отбирать и постановить государевы власти, то все меньшие стали очень радоваться этому и вся чернь обрадовалась, желая, чтоб уже мы имели единого государя, до кого мы бы могли прибегать. Правда, отчасти опасаются, чтоб воеводы не нарушили здешних обычаев и правил, как в церковном, так и в гражданском строении, и чтоб отсюда насильством в Московщину людей не гнали; но мы их обнадеживаем, что государь – царь и великий князь ничего этого не хочет. И я, доброхот государев, желаю от сердца, чтоб уж мы знали государя праведного себе за совершенного государя и его полную власть над собою; и многие из духовных и светских того хртят, а не хотят этого гетман, да полковники, да старшины; и это делают они для своего лакомства: они бы рады были одни пановать и тешиться своим самовластием, они уже разлакомились в господстве своем, и не хочется им его потерять. Сказывают о войсковой казне, а Войско ее и не знает; только и знают о ней, что один или два человека старшин, а Войску из нея заплаты нет. Того

ради изволь твоя милость вступиться перед его царским величеством, чтобы непременно государь прислал воевод и взял на себя все наши города; в Украине никто не станет противиться. Это будет добро, а мы будем всячески к тому людей приводить».

Филимонов переслал это письмо через другого священника Василия, который тогда хлопотал о месте для себя в киевском Софийском соборе. То же писал к Татищеву из Чернигова. Другой духовный, архимандрит черниговского монастыря Иван Мещеринов; он давал советы ввести в Украине кабаки и верных голов и воевод.

«Мы слышали, – выражался он, – что имеет быть к нам князь Трубецкой. Как бы скорее конец был с панами, нашими начальными! Все мы его ждем; а я желаю, чтоб, единого небесного Христа-царя имеючи, и единого царя православного имели; дай же нам, Христе-царю, того дождати!»

С своей стороны, Запорожье интриговало против Выговского. Туда убегали из Украины толпы простого народа. Кто для промыслов, а кто промотается и пропьется – и тот бежал в Запорожье, покинув семью свою; и такие-то составляли оппозицию Выговском. Главою их был Яков Барабаш. Им на руку была народная молва, что царь хочет оставить в одном Запорожье только десять тысяч; они-то и думали, вероятно, сделаться этими привилегированные остатками. Барабаш отправил в Москву посланцами Самойла, Михайла Иванова, Степана Дьякова, да Семена Остапенка.

Это была депутация простого народа, показывавшая московскому правительству, что простонародье хочет не того, что старшины. Она жаловалась на старшин, что им не дают ловить рыбу, держать вино, берут поборы и наживаются сами, а простым не дают жалованья; доносили на Выговского, что он сносится с поляками, с ханом, со шведским королем. Запорожцы представляли, что гетман избран неправильно, – без участия запорожцев; что он сам не запорожец, а поляк, и жена у него шляхтянка; что хоть Хмельницкий и сделал его писарем, но ни он, ни жена его не хотят добра Запорожью; что раде следует быть на Запорожье, или, по крайней мере, в Лубнах; последнее место иравилось им оттого, что беглецы из этого края составляли в то самое время зерно запорожской вольницы.

В заключение они просили, чтоб в Украину ввести воевод и московское управление. «Вся наша чернь и мещане этого желают, – говорили они: – да казацкая старшина не допускает ради сврей корысти. Посольство из Запорожья отправили запорожские старшины, а толпа неистово порывалась идти на города и «шарпать» имения знатных и богатых. Выговский, услышав об этом, собирался с своей стороны идти с городовыми козаками усмирять Запорожье и приказал расставить караулы (заставы), чтоб перенять запорожских посланцев, когда они будут возвращаться из Москвы – да еще не велел торговцам возить в Запорожье порах, свинец и припасы, чтоб край этот отрезать от Украины и лишить продовольствия. В то же время Выговский отправил письмо к боярину Морозову, умолял его ходатайствовать пред царем, чтоб доносы врагов не получили успеха, и просил задержать посланцев. «Пусть бы государь, – писал он, – покарал их по своему премудрому разуму; они, своевольники, только о суетной своей воле помышляют, а не радеют о вере и о прислуге его царскому величеству; нет у них ни жен, ни детей, ни пожитков, ни добычи, – только на чужое добро дерзают, чтоб есть им, да пить, да в карты играть, да всякие бесчинства Богу и людям чинить; а мы за веру православную и за достоинство государя, при женах, детях и маетностях наших, всегда умирать готовы».

Барабаш, отправив уже посольство и роя под Выговским яму, послал к нему письмо, уверял в своем расположении и покорности, и возбуждал неудовольствие гетмана на толпу повес, пришлецов из Украины. «Те, которые поднимали бунт, – писал он, – пришли из миргородского повета. Часть их уже повязана, да у половины у них ни самопала, ни корма, ни одежишки не спрашивай, а мы сверстные козаки-зимовчаки их не послушали; и в мысли у нас не было, чтоб идти на города грабить!»

В таком положении было общее настроение умов, когда прибыл в Москву. Миневский с товарищем. В расспросах, которые ему делали бояре, он, от имени Выговского, чернил всячески Лесницкого; указывал, что этот-то полковник дает повод ко всем волнениям, потому что ему хотелось булавы, но он ее не получил, и теперь вот он наущает народ к неповиновению и возбуждает чернь против царской власти: распустил слух, будто царь прислал князя Трубецкого с тем, чтобы везде по городам поставить войско и уничтожить казацкие вольности. Бояре объяснили ему, что у его царского величества и в мысли не было, чтобы ломать права и вольности их, и приписывали такие выдумки наущению врагов. Посланцы старались выставить в благоприятном свете сношения Выговского со шведами и поляками, откровенно объявили, что польские послы приезжают для того, чтобы склонить козакав к измене царю, и уверяли, что не успеть им в этом. Запорожские посланцы были тогда в Москве; выслушавши от них донос, бояре стали выведывать от посланцев Выговского, были ли запорожцы на раде? На это Миневский отвечал, что не были; но в самом… Запорожье народ в то время состоял из казаков разных городовых полков, а из этих полков на раде были и старшины, и выборные казаки. «На Запорожье, – объяснили они, – людей вовсе немного, всего тысяч пять, и те живут там постоянно; одни приходят из городов, другие уходят назад».

Посланцы доказывали, что Запорожье не есть что-нибудь. особое, а часть того же Войска.

«Мы не чаем бунта, – говорили они, – потому что Ивана Выговского выбрали целым Войском; а лучше бы учинить так, чтобы великий государь изволил послать кого укажет в Войско, чтоб собрать полковников и сотников, и всю горадовую чернь вновь на большую раду; кого на этой раде выберут, тот и будет прочен, а гетман сам желает этого; и если кого иного выберут, Иван Выговский о том не оскорбляется».

– «А прежние гетманы где выбирались? – спрашивали бояре, слышавшие перед тем от запорожских посланцев, что они выбирались на Запорожье: – Где Богдан Хмельницкий выбран?»

«На Запорожье прежние гетманы выбирались, – сказал Миневский; – и Богдан выбран на Запорожье и запорожанин был».

Бояре замотали себе на ус, что Миневский говорил в одно с запорожцами, и это доставляло оправдание последним во мнении бояр.

Посланцы Выговского были отправлены с честию, с жалованною грамотою, составленною буквально по образцу данной Богдану Хмельницкому, и с письменным милостивым словом царским ко всему Войску, где сказано, что так как козаки обещаются служить верою и правдою его царскому величеству, то и великий государь верных подданных, православных христиан, будет держать в вольностях без всякого умаления; а на подтверждение новоизбранного гетмана и для принятия от него присяги на верность по-, шлется боярин Хитрово.

В то же время, как эти посланцы были еще в Москве, Выговского уже посетил один московский гонец, стряпчий Рагозин. Он послан был в Украину, под предлогом известить гетмана о даровании от Бога радости царскому семейству рождением царевны Софии, но в самом деле у него был наказ – проведывать, что делается на Украине, и любят Ли там и желают ли Выговского? По всей дороге, от московской границы до Чигирина и обратно до московской границы, простые люди, проводники и подводчики, в один голос, как будто бы сговорившись, утверждали, что Выговского недолюбливает народ. В Чигирине говорили ему, что Выговского выбрали одни старшины, чернь его не желает, а хочет Хмельниченка; но на левой стороне Днепра не вспоминали и Хмельниченка.

«Вот, сказывают, – говорили поселяне Рагозину, – будто бояре и воеводы с ратными московскими людьми придут к нам, а мы этому и рады».

Так, с одной стороны, Выговскому и его партии представлялся повод к подозрениям и неприятным ожиданиям перемен от царя, а с другой московскому правительству приходили

вести, что народ не любит новоизбранного правителя; что народ расходится с ним и с его партиею в желаниях, что Выговский и значные – тайные недоброжелатели Москвы. Запорожцы поймали посланцев Выговского, отправленных в Крым, перехватили письма гетмана к хану: по известию современника поляка, самих посланцев утопили, а письма отправили в Москву с своим послом. Они доносили, между прочим, что к Выговскому ездит какой-то ложный монах Данило, француз родом, который ведет тайные сношения и подстрекает его к отпадению от Московщины, старались растолковать письма гетмана к хану так, что гетман с ханом и поляками хочет идти войною на Московщину.

Но сильнее всех врагов Выговского был полтавский полковник Мартын Пушкарь; пользуясь расстройством народного смысла, недовольством черни против значных, Пушкарь надеялся сделаться сам гетманом, свергнувши Выговского, созвал у себя раду, и объявил на ней, что Выгавский изменник, сносится с поляками, крымцами, думает изменить царю.

Вместе с запорожскими гонцами он отправил в Москву и своего атамана, Стринджу с товарищами; они повезли донос, что гетман изменник, сносится с Ордою и поляками. Решившись в то же время действовать оружием, Пушкарь просил запорожцев помогать ему против Выговского: по та-’ кой просьбе, шестьсот молодцов отправилось к Пушкарю под начальством атамана Якова Барабаша. Но главная сила Пушкаря состояла в народе. Полтавский полковник, чтоб вредить своему врагу, постоянно призывал козаковать посполитых, стремившихся к уравнению прав своих с козаками. Ненависть, прежде обращенная на польских панов, теперь готова была с тем же неистовством обратиться на единоземцев, которым более других послужило житейское счастие. Призывы Пушкаря подействовали на бездомовных и безземельных: таких накопилось множество в Украине от разорений, смут и отвычки от работ во время беспрерывных войн. Со всех сторон стекались к Пушкарю работники из винокурен, – а винокурни и пивоварни тогда находились чуть не в каждом зажиточном доме, – сбегались пастухи, наймиты; не имевшие своего угла и жившие из куска хлеба у богатых, теперь бежали козаковать. – в надежде отомстить за побои хозяевам и присвоить их имущества, для того, чтоб пропить и промотать награбленное в несколько дней, все, что носило название голоты (т. е. голи, голяков), явилось под знамена Пушкаря. Они шли без лошадей, без оружия, нередко без одежды и обуви, в лохмотьях, с рогатинами, дубинами, косами и, – по замечанию летописца, – с сердцами, готовыми на убийства и грабежи.

Пушкарь составил из них пехотный полк: они назывались дейнеками (т., е., может быть, денеяки, кой-какие), и в короткое время у полтавского полковника было, как думали, до двадцати тысяч…, и с каждым днем партия его увеличивалась; окрестности Гадяча, Зенькова, Ромна, Миргорода возмутились; поспольство обращалось в казаков.

Выговский побежал в Гадяч, захватил на месте несколько возмутителей народа против гетманской власти и казнил смертию; потом отправил гадячского намиснык Тимоша в Полтаву и ласково просил Пушкаря оставить свои враждебные намерения и предлагал мир.

«Чи не так, – сказал Пушкарь, – Виговський хоче мене з собою погодити, яко погодив в Гадячом браттю нашу, луччих од себе товарищив Вийська Запорозского, поутинавши им голови?.. але не дижде сего».

Приказал Пушкарь оковать Тимоша и отослал его к воеводе московского царя Колойтаеву, своему приятелю, в Каменное.

Тогда Выговский решился успокоить Пушкаря оружием и послал против него два полка: Нежинский и Стародубский. Но на пути простые казаки взволновались, отказывались подымать руки на братьев и разошлись.

Выговский увидел, что на казаков плоха надежда в междоусобной войне. Но бурная эпоха Хмельницкого привлекла в Украину толпы иноземцев: у гетмана были затяжные полки (затязи, наемные): в них были сербы, волохи, поляки, немцы. 25-го января 1658 года гет-

ман послал против соперника отряд сербов под начальством Ивана Сербина, и малороссиян, под предводительством Богуна. Они должны были напасть на Полтаву врасплох и схватить Пушкаря.

От скорости зависел успех. Сербы прошли удачно и быстро до Полтавы, но под самым городом сбились с зимней дороги и промедлили день. В Полтаве узнали об них, и 27-го января Барабаш с запорожцами напал на них во время обеда при урочище Жуковом-Байраке. Триста человек легло на месте, не успевши схватиться за оружие. Остальные не пошли вперед и убежали. Многие попались в плен и были отосланы к московскому воеводе, приятелю Пушкаря. Лесницкий, узнав о несчастии, делал клич по всему Миргородскому полку, призывая спешить против бунтовщика Пушкаря, но многие миргородцы переходили на сторону врагов.

В это время уже совершился выбор митрополита. Новоизбранный архипастырь, Дионисий Балабан, сторонник Выговского, написал Пушкарю увещательное письмо и грозил церковным проклятием за непослушание гетману.

«Хотя ваша святительская милость, – отвечал Пушкарь, – и возложили свое благословение на Ивана Выговского, но Войско Запорожское не признает его гетманом. Когда будет полная рада, на которой вся чернь украинская единомысленно с чернью Войска Запорожского изберут его гетманом, тогда и я признаю его. А ваше архипастырское неблагословение извольте возлагать на кого-нибудь такого, кто не желает добра его царскому величеству и ищет неверных царей; мы же почитаем царем одного царя православного.

Пушкарь выступил из Полтавы, и дейнеки повсюду грабили зажиточных и опустошали их имения. Этот поход увеличивал войско Пушкаря, но, вместе с тем, раздражал всех, имевших собственность.

Но в то время, когда такое волнение поднялось в восточной части Украины, прибыл Хитрово. Еще он был в дороге, а уже козацкие старшины сильно тревожились. Посланники Выговского, возвратившись к гетману, извещали, что царский посол едет собирать новую раду для нового избрания. Опасались, чтоб противная Выговскому партия не взяла верх и не избран был другой гетман; это значило уступить свои свободные Сословные права произволу Московской власти; тогда показали бы пример, что вольное избрание иначе ничего не значит. Вопрос о воеводах и великорусских войсках в Украине должен был разрешиться с приездом боярина. Зловещие слухи об уничтожении козаков должны были с ним или оправдаться, или обличиться. Страшная для всех гроза примирила всякие несогласия; гетман и Григорий Лесницкий стали друзьями. Многие готовились стать грудью за Выговского, не из любви к нему, а потому, что с ним вместе должны были защищать самих себя и все свое сословие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.